

УДК 811.161.3'38:398.83(476.2)

Станкевич А.А.
(г. Гомель, Беларусь)

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ В СВАДЕБНЫХ ПЕСНЯХ ГОМЕЛЬЩИНЫ

У статті описується повторна номінація у весільних піснях Гомельського регіону, аналізуються різні типи повторів: лексичний повтор, дериваційний повтор, анафора, повтор слілок, повтор прийменників, визначається стилістична функція цих повторів.

Ключові слова: *весільна пісня, повторна номінація, лексичний повтор, подвоєння, дериваційний повтор, анафора, повтор сполучників, повтор прийменників, паралелізм.*

В статтє описується повторная номинация в свадебных песнях Гомельского региона, анализируются различные типы повторов: лексический повтор, деривационный повтор, анафора, повтор союзов, повтор предлогов, определяется стилистическая функция этих повторов.

Ключевые слова: *свадебная песня, повторная номинация, лексический повтор, удвоение, деривационный повтор, анафора, повтор союзов, повтор предлогов, параллелизм.*

The article describes the re-nomination in wedding songs of the Gomel region and analyses various types of repeats: lexical, derivation repetition, anaphora, repetition unions, pretexts.

Keywords: *wedding song, re-nomination, lexical repetition, double, derivation repetition, anaphora, repetition unions, repetition of excuses, parallelism.*

Перефразируя известное высказывание В. фон Гумбольдта, можно сказать, что песня – это душа народа, и душа народа – его песня. Народные песни, как отмечает известный белорусский исследователь народно-поэтического творчества Н.С. Гилевич, “хороши своей натуральной, природной красотой, таящейся в силе чувства и глубине мысли. Благородное, вечное содержание всегда находило благородную, ясную, совершенную форму” [1: 8].

Язык народно-поэтического творчества, отличающийся художественной конкретностью, выразительностью стихотворного слова, образной формой отражения объективной действительности, является высшим уровнем развития устного словесного искусства.

“В каждой песне мы видим использование различных приёмов и средств художественного отображения и выразительности. Народнопесенная поэтика выработала за долгие столетия очень много способов проявления человеческих дум и чувств в слове” [1: 13]. Наиболее полно отмеченные качества проявляются в свадебных песнях, сопровождающих один из главных этапов в жизни человека – вступление в брак.

Отличительную изобразительно-выразительную функцию в свадебно-песенной традиции выполняют различные повторы. Исследователи устного народного творчества отмечают: «Повтор – это один из наиболее широко распространенных приёмов в фольклорной традиции. Он встречается в различных жанрах, разнообразных произведениях и самых разных текстах, выполняя при этом разнородные функции [2: 5].

Повторы в фольклорных текстах выполняют две функции – структурную, *текстообразующую*, когда они формируют композицию произведения, выполняют роль структурной организации текста, являются важнейшим языковым средством связности его отдельных фрагментов, и *изобразительно-выразительную*, образную функцию, когда содействуют актуализации значения повторяющихся языковых элементов, логическому выделению и усилению их смысла, семантическому развертыванию концептуального содержания текста, с одной стороны, и рифмо- и ритмико-интонационному оформлению речи, созданию напевности и мелодичности и, как результат, – повышению его эвфонии. Первая функция более полно реализуется в прозаических фольклорных жанрах, таких, как сказки, заговоры, предания, легенды, другая – более характерна для народно-песенной, поэтической традиции.

Предметом нашего внимания является повторная номинация в свадебных песнях Гомельщины.

Широко используется в свадебных песнях Гомельщины лексический, или тождественный, полный повтор – повтор одной и той же номинативной единицы, способствующий логическому выделению отдельных слов, усилению их смыслового наполнения, подчеркиванию значения.

Контактный лексический повтор создает фигуру *удвоения*. Чаще всего он выражается глаголами и передает продолжительность действия: *Ох, мы едам, едам Чорнага каня следам, І дзе ж мы настанам, Там сваіх пазнаем* [3: 104]; *Ехалі, ехалі, Загледзелі ў поле колоду. Там узялі посталі* [3: 357];

– его интенсивность: *Той, хто хустачку дараваў, дараваў, Той яе і запіваў, запіваў* [3: 152]; *Выкоцілі, выкоцілі бочку медочку, Высваталі, высваталі ў пана-свата дочку* [3: 205];

– повторяемость: *Сватко гнецца, гнецца, Як лісіца ў лесе* [3: 122];

– ритуальную значимость и важность: *Вечар цэлы касу дзеўкі плялі, плялі, Патом вілі. Вілі, вілі золатцэм, Жэмчуг утыкалі* [3: 107]; *Запрагайце, запрагайце валы да цяліцы, Ой, уносьце, ой, уносьце каравай з святліцы* [3: 121]; *Ідзе, ідзе Манечка на пасады, Крыкнулі, гікнулі на ўвесь сад* [3: 343]; *Плыві, плыві, мая русая кася, Прайшла ўся мая дзявочая краса* [3: 152];

– невозможность осуществления действия (в песнях сироты): *Устань, устань, бацюхо, годзі спаць, Пора своё дзіцятко отпраўляць* [3: 205].

Лексический повтор логически выделяет и актуализирует семантику обстоятельного детерминанта – подчеркивает время действия: *Рано да рано, Штось у лесі гаворыло .. Рано да рано У нашым дварэ вяселле* [3: 124];

– место действия: *Полем, полем, краменцам, Звязлі свацейка палаценцам* [3 : 153]; *З гары, з гары, з даліны Беглі конікі чатыры* [3: 255];

– степень его проявления: *А паднімем каравай Высока, высокая, А паднясьм яго далёка-далёка* [3: 140].

Удвоение, выраженное прилагательным, усиливает определенное внешнее или внутреннее качество лица или предмета: *Наши князёк харошы, харошы, Дайце яму грошы* [3: 267]; *Чырвона, чырвона да каліна ў лузе, А Алесечка ў бацькі найпрыгажэйшая* [3: 151]; *Мае вочы чорныя, чорныя, чорныя* [3: 262].

Контактный повтор существительного акцентирует внимание на субъекте или объекте действия: *Чобаты, чобаты вы мае, Нарабілі клопату для мяне* [3: 105].

Дистантный лексический повтор не только логически выделяет, подчеркивает значение повторяемой лексемы, но и связывает отдельные фрагменты текста: *Дымна ў полі, дымна Ды й нікого не відно* [3: 169]; *Зялёны садочак, зялёны, Вакол рутай аплецены* [3: 171].

Интересным и довольно распространенным в свадебнопесенной традиции Гомельщины видом повтора является частичный, корневой, или *деривационный повтор*, способствующий столкновению в тексте однокорневых слов как одинаковой, так и различной частеречной принадлежности. Этот повтор называют также тавтологией. Употребление в общем контексте однокорневых лексических единиц актуализирует их значение, усиливает смысл, а также оживляет внутреннюю форму слова, что в значительной степени способствует экспрессивизации народнопэтической речи. Чаще всего повторяются однокорневые слова, принадлежащие к различным частям речи. Контактное расположение однокорневых существительного и глагола усиливает характер называемого действия: *Ай, не шум шуміць, А зялёная дуброўка. Ай, балиць, балиць У мяне галоўка* [3: 52]; *Месяц узыходзіць, А зара зарыцца. Молода Волечка Ды й на воз садзіца* [3: 169]; *І дзе ж ты, хмелю, Зіму зімаваў, Што ж ні развіаўся? І дзе ж ты, сынку, Ночку начываў, Што ж ні разуваўся?* [3: 477]; *Ехалі купцы ўсе не знатныя, Божа мой, Божа, Масцілі масты ўсе цярновыя, Божа мой, Божа* [3: 243].

Дистантная позиция однокорневых существительного и глагола подчеркивает внутреннюю форму этих номинативных единиц: *Мір з мірам да міруецца, Мір з мірам да міруецца. Сваха з свахаю цалуюцца, Да на лютым марозі, Да на сонечным парозі* [3: 114]; *А паставім [каравай] на жыцц, Каб добра жыць, Дай, Бог, маладым Добра жыццё пражыць* [3: 140]; *Сястрыца-парадніца, Дый парадзь ты мне: Як цесця зваці, ваяваці, Як сабе Волечку ўзяці?* [3: 169]; *Мы, сваты, з дарогі Памарозілі ногі. Па марозу хадзілі, Галасок загубілі* [3: 361]; *Некаму плацця праці. Пранічкам махнеш, Цяжэнька ўздыхнеш* [3: 382].

Реже наблюдается столкновение однокорневых существительного и прилагательного: *Прыйдзі, мой татка, У гошчэйкі ка мне, А як мне прывыкаці У чужой чужыне* [3: 95]; *Маладзіцы маладыя, маладзіцы маладыя, Ці добрыя мужыкі, ці ліхія?* [3: 263]; *Сірата я, сірата, сірацце мяня нет, Якое плацце ні надзену, Ад таскі ліняет цвет* [3: 305];

существительного и существительного: *Выпляту я ўплёт з русьх кос, Павешу я ўплёт на прыплёт* [3: 85].

Оригинальность корневого повтора проявляется и в том, что здесь нередко присутствует окказиональное словообразование, усиливающее внутреннюю форму слов и придающее им особенную изобразительную выразительность: *міравацца* ‘мириться’, *зарыцца* ‘разгораться (о заре)’, *парадніца* ‘советница’; *чужына* ‘чужой край’; *сірацце* (сравнительная степень от сиротский) ‘круглая сирота’ и др.

Частичный повтор усиливает звучание повторяемых слов, содействует их более полному смысловому наполнению.

Довольно часто в свадебных песнях Гомельщины встречается *анафора* – повтор слова или группы слов в начале нескольких смежных предложений. Она является важным средством интенсификации речи, повышает степень экспрессивности языковых единиц и приводит обычно к синтаксическому параллелизму.

Есть различные виды анафоры: звуковая, лексическая, строфная. В анализируемых песнях наиболее распространенной является лексическая анафора – повтор отдельной лексемы в начале соседних предложений. Повторяемая лексическая единица может относиться к любой части речи:

глагольная анафора показывает высокую степень значимости действия или процесса, передает интенсивность его проявления: *Будзь багата, як зямля, Будзь бягуча, як вада, Будзь ичасліва, як зара* [3: 106]; *Стайць грушачка, распусціўшыся, некаму падрэзаць. Стайць Надзечка, расплакаўшыся, некаму сунімаць* [3: 87];

субстантивная анафора обращает внимание на субъект или объект действия, который может обозначаться как конкретным, так и отвлеченным существительным: *Печ нага рагоча, Печ наша рагоча, Печ наша рагоча, Чаго яна хоча ?* [3: 117];

местоименная анафора указывает на автора высказывания, его личное отношение к событиям, может также выражать обобщенное значение лица: *Мой жа татачка, Мой жа родненкі, Што мне там гаварыць?* [3: 137]; *Абазваўся да Ванечка з зялёнага саду, Я тыя чарнабрыўцы паліваць буду, Я цябе, маладую, жалаваць буду* [3: 27];

адвербиальная анафора усиливает обстоятельственный детерминант при глаголе: *Родны ты мой брацік! Куды ты мяне абуваеи? Куды ты мяне адзяваеи?* [3: 156]; *Каравай, расці, расці Вышай беленькай пячы, Вышай нашага забора, Вышай друга дарагога* [3: 177].

Довольно часто в свадебных песнях анафорируются лексические единицы, выраженные служебными частями речи:

союзом: *І слышан чачот нагайкі, І гукаюць марша, І музычэнькі граюць, І самі спяваюць* [3: 175];

предлогом: *Ой, што мы хацелі, Тое мы і зрабілі: З цеста – пеляніцу, З дзеўкі – маладзіцу, З добрага цеста – добра пеляніца, З добрае дзеўкі – добра маладзіца* [3: 106]; частией: *Добры дзень, сястрыца, Ці жыва, здарова? Ці жыва, здарова, Ці добрая доля?* [3: 166];

междометием: *Да й у чужом сяле, там людзі чутлівы, Асудзяці ўсю маю паходачку: Ой, як робіш, Ой, як ходзіш, Ой, як з людзьмі ты гаворыш* [3: 86].

Нередко в анафоре сочетаются знаменательные и служебные части речи, что приводит к полному структурному параллелизму, который проявляется в одинаковом построении соседних предложений:

Вы, сваточки-галубочки, просім вас, Каб не было нашай дзевачке плоха ў вас, Каб не была на качарэжніку пасцеля, Каб не была ў дарожанькі вячэра .. Ай, каб была ў краватачкі пасцеля, Ай, каб была за столікам вячэра. Ай, каб была ваша комнатка хаткаю, Ай, каб была свякравачка маткаю [3: 41];

Дзякуй Богу, сына ажаніла, Ды й нявестку дачакала. Ды й не буду воду носіці, Ды й не буду хлеба мясіці, Да й не буду хату мясіці, А буду парадочок весці [3: 165].

Строфная, синтаксическая анафора, при которой в начале строк повторяются одинаковые или равнозначные синтаксические конструкции, также довольно часто встречается

в свадебных песнях Гомельщины. Она выполняет в поэтической речи выразительную структурно-семантическую и экспрессивную функции – содействует упорядочению словесного построения текста, логическому, последовательному развитию мысли и усилению его эмоционального звучания. Строфная анафора приводит к синтаксическому параллелизму предложений, который часто сочетается с образным параллелизмом, основанным на сопоставлении определенного действия, состояния или характеристики персонажа с явлениями природы, реалиями животного или растительного мира, что отражает органическую связь человека с природой, одушевление им всех ее проявлений. Так, пераживания, действия и эмоциональное состояние невесты чаще всего сопоставляются с поведением птиц: *Там на возеры плавалі індыкі, Ужо табе, Волечка, мінуцца музыкі. Там на возеры плавалі качоры, Ужо табе, Волечка, мінуцца вячоры* [3: 173]; *Да прыляцела шэрая зязюля з ялаўца, Да прыехала маладая Ганначка з-пад вянца* [3: 180]; *Кукавала зязюлечка ў садочку, Прыкланіўшы галовачку к лісточку. Заплакала малада Мар'я ў святліцы, Паклаўшы галоўку к скамейцы* [3: 321]; *Ляцелі галачкі ў тры стадачкі, Адна галачка паперак. Ішлі дзевачкі ў тры радочкі, А наша Алачка паперад* [3: 411]; *Кукавала зязюлечка ў саду на памосце, Прыехалі да дзевачкі тры казакі ў госці* [3: 288];

явлениями природы: *Под явором вечер не вее, Под явором сонцэ не грэе, Под явором сонцэ не грэе, Под явором добра дождж ідзе, Моя міла замуж ідзе* [3: 185];

реалиями животного: *Да як заржалі сівья кони ў полі, Да кінулася свайму татачку ў ногі* [3: 285];

или растительного мира: *Кацілася ірушачка із-за гор'я, Прасцілася Манечка із застолля* [3: 294]; *Кукавала зязюлечка ў садочку, Прыкланіўшы галовачку к лісточку. Заплакала малада Мар'я ў святліцы, Паклаўшы галоўку к скамейцы* [3: 321].

При анафорическом повторе могут сопоставляться действия невесты и поведение других свадебных чинов, прежде всего свекрови: *Ужо свакрюка нявестку даўно чакае. Шыла яна шубу да долу, Дый прыбудзь, нявестку, дадому. Шыла яна шубу да зямлі, Дый прыбудзь, нявестка, да сям'і. Шыла яна шубу на пяты, Ды й прыбудзь, нявестка, дахаты* [3: 166].

Выделительно-смысловое значение анафоры повышает информативность речи, насыщенность содержания и глубину раскрытия идеи, концептуальную значимость народно-поэтического слова. Стилистическая значимость анафоры обуславливает обогащение поэтической речи дополнительными эмоционально-оценочными значениями.

Менее распространена в свадебных песнях Гомельщины *эпифора* – повтор слова или группы слов в конце смежных предложений. Как и анафора, эпифора относится к локализованным повторам. Она содействует структурной организации поэтического текста, актуализации семантики повторяемых элементов высказывания: *Да стаяла, буяла, да стаяла, буяла Канпелька ў агародзе, Да не даў жа ёй ветрычак, Да не даў жа ёй ветрычак Яшчэ болей да пастаяці, Яшчэ болей да пастаяці* [3: 23]; *У новым родзе трое варот новых. Первыя варота – што сонейка взойдзе, Другія варота – што мясячык взойдзе, Трэція варота – што хлопчык взойдзе. Як сонейка будзе – цёпленько будзе, Мясчык засвеціць – светленько будзе, А хлопчык узыйдзе – веселенько будзе* [3: 68].

Анализируя виды повторов в свадебных песнях Гомельщины, нельзя не отметить такие фигуры речи, как повтор союзов и предлогов. *Многосоюзие*, или полисиндетон –

использование одного и того же союза перед каждым однородным членом предложения – помогает связать отдельные элементы в синтаксическое единство и вместе с тем выделить, разделить их между собой, что замедляет темп поэтического высказывания, придает ему возвышенность и выразительность: *І жыві гадок, і жыві другі, не ідзі да маці. І жыла гадок, і жыла другі, Трэці не сяярпела, Абярнулася шэраю зязюлькаю, К маці паляцела* [3: 38]. Функциональное значение полисиндетона зависит от грамматической характеристики соединяемых членов предложения. Так, повтор союзов перед однородными сказуемыми передает протяженность действия, его интенсивность или разнообразие: *А нашы ж сваты не ведалі Ды ў хлеў заехалі, Ды і казу прывіталі, Ды казе руку далі, Ды каза здзівілася, Са смеху навалілася* [3: 245]. Многосоюзи при однородных дополнениях придает высказыванию интонацию перечисления, показывает многочисленность, разнообразие явлений: *Чым я табе надакучыла, Ці ядою, ці хадою, Ці ядою, ці хадою, Ой, ці русаю касою?* [3: 225].

Повтор одинаковых предлогов перед однородными членами предложения также позволяет выделить отдельные слова, подчеркнуть их значение, акцентировать на них внимание: *За сонцам – не бачу, За ветрам – не чую, За нядобрым мужам – дома не начую* [3: 248]; *Ой, друзья-таварышчы, Развітваюся з вамі, Са сваёй хатай, З роднай мамай і бацькам, І мілья, з вамі* [3: 78]. Многосоюзи и многопредложность содействуют, кроме того, ритмизации поэтической речи и ее системно-структурной организации: *Дай плавала шчука-рыба Па дну, па вадзе* [3: 380]; *З гары, з гары, з даліны Беглі конікі чатыры* [3: 279]; *Каля майго церама, Каля майго новага, Бітая дарожачка, Тапаная сцежачка* [3: 283].

Повтор предлогов может сочетаться с повтором союзов или частиц, образуя таким образом парный повтор служебных слов, который усиливает выделительное значение: *Страла мая, страла, Па што ты прыйшла? Ці на мёд, ці на гарэлку, Ці на нашу дзеўку?* [3: 136].

Таким образом, речевые фигуры, основанные на повторяемости языковых единиц, обладают в народнопесенном тексте большим экспрессивным потенциалом. Благодаря подобию или тождественности сопоставляемых контактно или дистантно расположенных языковых единиц синтаксическая структура предложения свадебной песни становится более сбализированной, выразительной и эмоционально насыщенной. Использование этих фигур позволяет логически выделить субъект или объект определенного действия, помогает показать устойчивость определенных качеств, нарастание, последовательность, целенаправленность действия, продолжительные однотипные отрезки времени, дает возможность выразить усиление эмоционального и психологического состояния главных действующих лиц свадебной церемонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гілевiч, Н.С. Паэтыка беларускай народнай лiрыкi: Слова i вобраз. Паэтычны сiнтаксi: Гукапiс i рыфма / Н.С. Гілевiч. – Мiнск: Вышэйшая школа, 1975. – 288 с.
2. Амроян, И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста [на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов] / И.Ф. Амроян. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – 296 с.